

и вход мне в твои чертоги воспреещающие» (I, 253). И царь видит: «Вся внутренность их казалась черною и сгораемую тусклым огнем ненасытности. Они металы на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. <...> Веление мое, или было совсем нарушено, обращая не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным онаго толкованием, и медлительным исполнением» (I, 254—255).

По учению Велизария, правосудный государь должен искать «награждения трудам своим в непорочном и внутреннем чувствовании милосердия, в утехе видеть себя человеколюбива, чувствительна, благодушна, напоследок достойна любви людской и взора предвечного».⁵⁸ Но таких государей Велизарию видеть не доводилось. И пред радищевским царем лежит книга «Закон милосердия», а льстецы говорят самодержцу: «Милосердие твое, Государь! есть образ всецедраго существа» (I, 251), но, оказывается, милосердие царя «сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия». «Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом» (I, 255).

Персонифицированная аллегория истины в романе Мармонтеля отсутствует, но «Велизарий» помогает глубже понять и образ Прямовзоры. В главе, которую переложил Екатерина, говорится следующее: «А истинна, которую должен искать государь, есть знание всех соображений, касающихся до человеческого блага <...> истинна есть мать добродетели. Надобно, без сомнения, быть мужественну, чтоб с нею предстать пред государей <...> Невольники его (государя, — Д. III.) от него ее скрывают».⁵⁹ В других главах Велизарий сетует: «Жалуются государи, якобы истинна от них бегаёт! Нет, друзья мои, она их ищет сквозь опасности оружия. Так не удобнее ли несказанно приближалась бы она к ним, есть ли бы они ей дозволяли сей свободный доступ? <...> Да как можно мудрому или герою найти приступ у самонравной милости? Может ли он снисходить до унижений, каких она от рабов своих требует? Твердая его душа может ли изгибаться по кривым стезям придворных? <...> Ему ли молчать и скрывать неприятное, а говорить угодное?».⁶⁰ Мысль Мармонтеля, что при дворе «самого полезного человека представляют человеком опасным», образно воплощена в «Сне». Истину придворные представляют царю «волхвом опаснейшим, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит», а сама Прямовзора жалуется: «Пребывание мое неест в чертогах царских. Стража обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные» (I, 252—253).

⁵⁸ Велизер. . . , с. 99—100.

⁵⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. . . , т. V, с. 10.

⁶⁰ Велизер. . . , с. 121—122, 163.